

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-227–236

НОВАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В XVI–XIX вв.

И.Р. Атнагулов

*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
i.atnagulov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен краткий анализ одного из эпизодов этнической истории России. После присоединения во второй половине XVI в. земель Казанского ханства значительно изменился этнический, этнокультурный и этноконфессиональный ландшафты страны, резко увеличилась доля народов тюркской и финно-угорской групп. Среди народов тюркской группы было значительное число поклонников исламства. Это население, исторически и культурно связанное с враждебным России мусульманским миром, создавало очаги напряженности на новых территориях. Поэтому целью государственной деятельности была скорейшая интеграция всех этих народов в социальную систему страны. Достигалась она путем решения трех задач. Во-первых, это принудительная христианизация. Началась она сразу после победы над Казанью и реализовывалась с разным успехом. Результатом политики христианизации стали не только принявшие эту религию чувашаи, марийцы, удмурты и часть татар, но и бежавшие от христианства на башкирские земли представители тех же народов. На Южном Урале они образовали новые идентичности по конфессиональному признаку. Во-вторых, государство занималось созданием сословно-классовой структуры населения. В создание Оренбургской губернии, новых населённых пунктов и военного сословия привлекалось тюркское население – татары и башкиры. Результатом этой деятельности стало появление новых идентичностей по сословному признаку. Это казаки – татары мусульмане и христиане, тептяри, мешеряки, нагайбаки, башкиры. Третьей задачей стало экономическое освоение. Крестьянская колонизация русскими, мордвой, татарами, чувашами и другими создала на Южном Урале обширные очаги с этнически смешанным населением. Такая ситуация повлияла на формирование множества новых локальных разновидностей хозяйственно-культурных типов. К концу XIX в. на Южном Урале фиксировались такие новые идентичности, как мешеряки, тептяри, крещёные татары, нагайбаки и другие. Трёхсотлетняя деятельность государства по унификации этнокультурного ландшафта региона привела к его усложнению.

Ключевые слова: этноистория, тюркские и финноугорские народы Поволжья и Урала, христианизация, сословия, новые идентичности

Данные об авторе: Атнагулов Ирек Равильевич – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории Института истории и археологии УрО РАН.

Во второй половине XVI в. Московское Царство увеличило свои территории, в том числе за счёт присоединения Казанского ханства. Вместе с новыми землями было обретено значительное число неславянского (тюркского и финноугорского) населения. Вхождение Среднего Поволжья и Южного Приуралья усложнило этнический состав населения страны. Последовавшая вслед за этим русская колонизация приобретенных территорий, а вслед за ней и перемещение других народов на восток, изменили конфигурацию расселения этносов и демографическую ситуацию региона. Во-первых, стали появляться анклавные территории с русским населением внутри татарских, башкирских, марийских и других этнических массивов. Во-вторых, сформировались территории сплошного расселения русских, внутри которых возникли анклавные территории – татарские, марийские, удмуртские и прочие. В-третьих, значительные группы татар, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов, вовлеченные в миграционные процессы, вместе с русскими на новых территориях расселения образовывали этнически смешанные группы населения. В Южном Приуралье возникли этнические анклавные территории среди территории сплошного расселения башкир. Удалённость от этнической территории, новые этносоциальные условия, а порой и новая природно-географическая среда – всё это повлияло на формирование новых локальных форм культуры, а вместе с тем и новых идентичностей – восточных марийцев, закамских удмуртов, ясачных бобылей, крещёных татар, казаков со всем их этнокультурным разнообразием – татар, тептярей, мещеряков, башкир, нагайбаков и других. Если на Среднем Урале в XVIII в. русские численно доминировали, то на Южном они находились среди преобладающего тюркского населения. Доля русских в Южном Приуралье в начале XVIII в. составляла 15%, в то время как на Среднем и Северном Урале она доходила до 91%¹.

В состав нового государства все эти народы вошли, по историческим меркам, весьма быстро и не всегда добровольно. Как следствие, на протяжении второй половины XVI и последующих столетий, вплоть до последней четверти XVIII в. среди народов региона наблюдались многочисленные протестные акции, выливающиеся нередко в кровопролитные войны.

Политика государства по отношению к народам Среднего Поволжья и Южного Урала, которая ещё недавно являлась внешней, после 1552 г. становится внутренней. В процессе политико-административного строительства на вновь присоединённых территориях государственная власть неизбежно сталкивалась с необходимостью решения, говоря современным языком, «национального вопроса». В контексте того времени определялась главная цель этой политики – формирование из числа неславянского населения Поволжья и Урала лояльного новой власти населения. Достижение этой цели осуществлялось посредством выполнения трёх задач – христианизации, сословно-классового строительства и русской хозяйственно-экономической колонизации.

Религиозная политика

Процесс вхождения неславянских народов Поволжья и Урала в состав Московского Царства, затем России, во второй половине XVI–XVIII вв. состоял из

¹ Александров 2003, 37.

двух этапов. Сначала осуществлялось включение (добровольно или завоеванием) этих народов в Российское государство. Например, мордва, самые западные группы татар, некоторые группы марийцев, живших на правобережье Волги, в основном вошли добровольно. Судьба жителей левобережья решалась в ходе боевых действий русских войск под предводительством Иоанна IV против Казани. Затем проводились государственные мероприятия по сближению местных народов с русскими. Первой из них была политика обращения в православное христианство.

Религиозный фактор в истории человечества, едва ли с не момента возникновения института государства, являлся одним из главнейших, отражающих степень лояльности населения тому или иному политическому режиму. Различные государственные системы вплоть до начала XX в., в отдельных случаях и поныне, среди основных задач внутренней политики и культурного дизайна общества стремились создать социум, в конфессиональном отношении максимально гомогенный. Не является исключением в этом отношении история становления конфессионального ландшафта России. Православие, являвшееся государственной религией, распространялось вслед за присоединением новых территорий и подданных из числа неславянских народов. После крещения финноязычного населения европейского Севера следующим масштабным по числу неофитов проектом была христианизация народов Среднего Поволжья и Приуралья.

К моменту вхождения в состав Русского государства этноконфессиональный ландшафт Среднего Поволжья и Приуралья был следующим. Татары, башкиры и мордва в подавляющем большинстве исповедовали мировые религии. Татары и башкиры – мусульманство, мордва – православное христианство. Чуваши, марийцы и удмурты являлись поклонниками родовых культов. Перечисленная этнонимическая номенклатура отражает этнический состав населения того времени. Изменения этнокультурной картины региона возникают со второй половины XVI в.

Политика принудительной христианизации стала причиной массовых миграций на восток, в Приуралье, что в свою очередь привело к изменению этнической карты региона. Это было связано как с динамикой границ этнических территорий, так и появлением новых идентичностей. Возникновение последних, с одной стороны, было связано с переходом в православие. Так, например, произошло с крещеными татарами, которые усвоили новый этноним – кряшены (тат. керэшенер) и выработали комплексы собственных культурных черт². С другой, это происходило в результате того, что части народов Поволжья, не принявшие православие, спасаясь от христианизации, переселялись в Приуралье на башкирские земли, оказываясь в территориальной изоляции от основной массы собственного народа. Так произошло с некоторыми чувашами, марийцами и удмуртами. Вдали от материнских этносов образовались новые идентичности (субэтноты, этноконфессиональные группы), возникшие по религиозному признаку – различные группы некрещеных чувашей, марийцев и удмуртов с оригинальными комплексами культуры. В это число входят и мусульманизированные чуваше, добровольно принявшие ислам как реакцию на принудительную христианизацию³. Появлению культурных отличий у них способствовали консервация архаических (дохристианских) черт и контакты с башкирами и татарами. Влияние этих процессов было

² Мухаметшин 1977, 154.

³ Ягафова 2007, 101–117.

настолько сильным, что все эти локальные этнографические группы до сих пор фиксируются исследователями на территории Республики Башкортостан и в других соседних регионах. Из них известны закамские удмурты, восточные марийцы⁴, чувашаи некрещеные и мусульмане. Этническое самосознание ряда групп крещеных татар выросло столь заметно, что наблюдается отказ от использования ими в качестве самоназвания этнонима «татары».

Государственная политика по принудительной христианизации населения во второй половине XVI–XVIII вв., таким образом, оказала прямое влияние на формирование новой этнической карты региона. Обращение в православие привело не только к появлению христиан среди тюркских и финноугорских народов, но и образованию новых этноконфессиональных групп, возникших на основе неприятия христианства.

Сословно-классовое строительство

Как было сказано, народы Поволжья и Приуралья, вошедшие во второй половине XVI в. в состав Русского государства, делали это далеко не во всех случаях добровольно. Свидетельством тому было не только сопротивление казанских татар, но и последующие народные восстания чувашей, марийцев, удмуртов и башкир. Поэтому второй после христианизации важнейшей задачей государства являлось обеспечение безопасности на вновь присоединенных территориях и укрепление государственных границ. С самого начала процесса присоединения Среднего Поволжья и Южного Приуралья эта задача реализовывалась посредством сословно-классового структурирования общества.

После присоединения Среднего Поволжья и Южного Приуралья в 1552 г. и вплоть до 1730-х гг. присутствие государства в приграничных с казахскими землями областях ограничивалась надзором за перемещениями и соблюдением ясачной повинности среди башкир и прочих коренных народов⁵. Ситуация меняется принципиально с 1730-х гг. Петровская политика по решению «восточного вопроса» получила дальнейшее развитие, подразумевавшее налаживание дипломатических связей с государствами Средней Азии и прямой выход на их рынки⁶. Для достижения этой цели необходимо было осуществить политическое и социальное устройство края. В 1730–1740-х гг. был реализован крупный государственный проект по созданию Оренбургской губернии. Строительство нового субъекта на административной карте России подразумевало основание сетки населенных пунктов с четко выстроенной структурой населения. Российское правительство особенно заботилось об увеличении русского компонента в составе населения региона путем численного преумножения казачьих подразделений. Итогом этой деятельности было создание Оренбургского казачьего войска – одного из крупнейших в Российской империи. Кроме того, с начала 1730-х гг. на Урале происходил рост

⁴ Садиков 2016, 14–20, 91–97.

⁵ Преображенский 1972, 167–168.

⁶ Акманов 2007, 170.

металлургической промышленности, что также вызвало приток русского населения⁷. К концу XVIII в. доля русских в Южном Приуралье увеличилась до 41%⁸.

Формирование оренбургского казачества происходило в основном за счет русских казаков других войск или рекрутированных в казаки крестьян. Спецификой вновь образованных казачьих соединений Оренбуржья являлось и то, что здесь присутствовал довольно заметный нерусский компонент. В составе казаков были подразделения, сформированные исключительно или при участии калмыков, башкир, тептярей, мещеряков (мишарей), татар (как мусульман, так и крещеных). Для некоторых из перечисленных групп нахождение в казачьем сословии сыграло определяющую роль в формировании их идентичностей. Калмыки, башкиры и татары-мусульмане, состоявшие в оренбургском казачьем войске, с утратой своего социального статуса во второй половине XIX в. и в советский период истории сохранили при этом этническую идентичность. В 1865 г. башкиры, мещеряки и тептяри были переведены из военного в гражданское ведомство. Мишарские и тептярские идентичности, в том числе возникшие и как сословные (казачьи), сохранились поныне, занимая подчиненное положение по отношению к татарской. Обе фиксировались в переписях населения 1897 и 1926 гг. В 1897 г. были отмечены группы населения с родными языками мещерякским и тептярским, а в 1926 г. они уже записаны как отдельные народы. В дальнейшем советская практика национально-государственного строительства определяла их положение в числе татар. Ныне мишари и тептяри Челябинской и Курганской областей, называя себя татарами, сохраняют память о казачьем прошлом и связанных с этим прежних самоназваниях⁹.

Татары и калмыки, служившие в Оренбургском казачьем войске, как и башкиры, с утратой сословной идентичности сохранились в рамках этнических, солидаризовавшись с остальной массой соплеменников. Калмыки в первые десятилетия XX в. начали, вместо навязанного им православия, открыто исповедовать буддизм. После учреждения в 1920 г. в Нижнем Поволжье Калмыцкой автономной области они получили разрешение на воссоединение с собственным народом. По переписи 1926 г. калмыки в южных районах Троицкого округа Уральской области фиксировались уже единично¹⁰, а в последующих отсутствовали совсем. Потомки татар-казаков не мишарской и не тептярской принадлежности проживают ныне в Варненском и Чесменском районах Челябинской области¹¹.

Примером трансформации сословной идентичности в этническую являются нагайбаки. Один из указов Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. определяет в казачью службу мещеряков и крещеных татар Уфимской провинции¹². Последние вскоре получили обозначение «казаки-нагайбаки» от названия специально построенной для них крепости Нагайбакской. Возникнув в 1736 г. как казачье сословие среди крещеных татар Уфимской провинции, они уже в конце XIX в. фиксировались как самостоятельная идентичность, а в материалах переписи населения 1926 г. отмечены как отдельный народ СССР. Этническая идентичность нагайба-

⁷ Преображенский 1989, 259–260.

⁸ Александров 2003, 37.

⁹ ПМА 2019, Курганская обл., Сафакулевский р-н, с. Сафакулево.

¹⁰ Плешков 1928, 8.

¹¹ ПМА 2019, Челябинская обл., Чесменский р-н, с. Редутово.

¹² Добросмыслов 1900, 190–198.

ков, основанная на памяти о принадлежности в прошлом к казачьему сословию и приверженности православно-христианскому вероисповеданию, сохранилась до настоящего времени и зафиксирована в материалах переписей населения 2002, 2010 гг. и полевых данных автора¹³.

Хозяйственная колонизация

Представленная картина по интеграции неславянских народов Поволжья и Урала была бы неполной без учета фактора хозяйственного освоения этих территорий. В первую очередь следует дать оценку особенностям хозяйственно-экономических укладов народов региона того времени. Среднее Поволжье, а особенно Южное Приуралье всегда являлись контактной зоной между тремя хозяйственно-культурными системами Евразии. Во-первых, это комплексы оседлых пашенных земледельцев Восточной Европы; во-вторых, тип кочевого и полукочевого скотоводства степной и лесостепной части внутренней Евразии; в-третьих, хозяйственно-культурный тип охотников и рыбаков таежной зоны Приуралья и Сибири.

На момент вхождения в состав Московского Царства народы региона относились ко всем перечисленным хозяйственным типам. Принадлежность к ним не совпадала с языковыми или религиозными границами, но обнаруживала определенные закономерности. Пашенные земледельцы населяли западные и северо-западные (средневожско-прикамские) регионы бывшего Казанского ханства. К ним относились мордва, чуваша, татары, марийцы и удмурты. Кочевники и полукочевники, казахи и башкиры соответственно, населяли юго-восточные степные области. Жители горнолесного Приуралья – часть башкир и манси – относились к хозяйственно-культурным типам таежной зоны.

Наиболее развитые формы земледельческого хозяйства сложились у мордвы и чувашей. У средневожских татар опыт земледельческого хозяйства имелся с эпохи Волжской Булгарии, однако их хозяйственно-культурный тип, основанный на пашенном земледелии, сложился в сочетании с более высокопродуктивным, по сравнению с другими земледельческими народами, скотоводством. Животноводческое хозяйство татар, как и у прочих оседлоземледельческих народов, было пастбищно-стойловым, пастушеским. Свидетельством кочевого прошлого предков казанских татар являлось то, что в составе стада у них значительную долю занимали лошади и мелкий рогатый скот. Вместе с тем, как и у других земледельцев региона, у татар практически повсеместно было развито мясомолочное направление (крупный рогатый скот) и птицеводство. Марийцы и особенно удмурты земледельческое хозяйство сочетали с лесными промыслами.

Хозяйственно-культурный тип башкир к XVIII в. представлял собой сочетание разных систем. Доминирующим типом было полукочевое скотоводство. Состав стада соответствовал кочевникам Евразии – это лошади и овцы. Западные группы башкир, контактировавшие с татарами, находились на стадии перехода к оседлоземледельческому хозяйству. В хозяйстве башкир горнолесной зоны значительную долю занимали лесные промыслы, которые имели сибирские таежные черты. Башкиры лесостепной зоны Зауралья, по сравнению с другими террито-

¹³ Атнагулов 2015, 142.

риальными группами, скотоводами являлись в наибольшей степени. Здесь этот тип хозяйства, как и переносные жилища в виде тюркской или монгольской юрты, сохранялись вплоть до первых десятилетий XX в.

Одни народы (мордва, татары и горные марийцы) до второй половины XVI в. уже имели опыт контактов с русскими. Другие (башкиры, луговые марийцы и южные удмурты) до этого времени с русскими не встречались. Различались они и по уровню общественного развития – высокофеодализированные татары и в меньшей степени – мордва и башкиры. Удмурты и марийцы представляли позднеродовые общества.

Одной из центральных задач государства в это время было хозяйственное освоение новых территорий. Стихийная крестьянская колонизация, в некоторой степени управляемая государством, отчасти решала данную проблему, но не полностью. Массовые управляемые и неуправляемые перемещения населения из центральной России и Среднего Поволжья на Южный Урал и в Зауралье оказали решительное влияние на формирование этнической картины региона. Башкиры, обладая большими земельными угодьями, позволяли на условиях аренды занимать их земли под сельскохозяйственное хозяйство. Большое число переселенцев из Среднего Поволжья, покинувших родные земли по разным причинам (безземелье, насильственная христианизация, феодальный произвол и другое), в подобные экономические взаимоотношения с башкирами вступали весьма охотно. Нередко это были этнически смешанные поселения, внутри которых происходили контакты, которые привели к появлению новых сословных идентичностей – тептярей и ясачных бобылей. Среди них были переселившиеся из Поволжья и Прикамья татары, чувашаи, мордва, марийцы, удмурты, то есть представители практически всех народов региона. Общее название всего этого населения – припущенники, что значит припущенные на башкирские земли.

Вся эта пестрая в этническом отношении смесь народов обладала одним общим признаком, который в одинаковой степени выделял их на фоне башкир, – оседлоземледельческим типом хозяйства. К XIX в. на территории Южного Приуралья, на башкирских землях уже довольно прочно осели земледельцы – татары, татары-кряшены, нагайбаки, некрещеные чувашаи, лугово-восточные марийцы, закамские удмурты, тептяри и мещеряки. В дополнение к комплексам этноконфессиональных и этносословных признаков, описанных выше, они, в отличие от башкир, как было отмечено, принадлежали к хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев.

Земледельческая колонизация Урала и Западной Сибири осуществлялась русскими государственными крестьянами как стихийно, так и под контролем чиновников. Не препятствовали они в этом процессе и другим народам. Распространение земледелия в приграничных районах Урала и Сибири имело и военно-стратегическое значение. Развитие центров земледелия в регионе значительно удешевляло поставки хлеба и иного продовольствия для военно-служилого населения. С другой стороны, и сами казаки, поверстанные из земледельческого населения, могли прокормить себя. Земледельческое освоение различными народами территорий Южного Приуралья и Зауралья укрепляло их на новых землях, а новые идентичности (казаки-тептяри, казаки-мещеряки, казаки-татары, казаки-нагайбаки) своим

существованием были во многом обязаны в том числе и реализации государственной политики по земельному освоению Приуралья и Западной Сибири.

Этническая картина региона, таким образом, складывалась во многом под влиянием государственной политики по социальному обустройству края. Результатом этих процессов было изменение границ ареалов расселения народов, появление территорий со смешанным этническим составом, возникновение новых групп населения с новыми, не существовавшими до этого идентичностями и этнонимами.

Это отражается в материалах переписей населения. Например, данные Всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что на территории Оренбургской губернии, помимо тюркоязычных групп с родными языками – чувашским, татарским и башкирским, имелись также группы, говорящие на мещерякском и тептярском языках¹⁴. В документах по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. появляются такие отдельные группы, как кряшены и нагайбаки¹⁵.

Государственная политика, проводимая со времени правления Ивана IV и едва ли не до окончания истории Российской империи, по отношению к «инородцам» Поволжья и Урала была нацелена на максимально возможное упрощение этнокультурной картины, приближению тюрков и финно-угров к культуре восточных славян. Нахождение тюркоязычного населения в военно-служилом сословии во многом объединило их исторические судьбы и народную память с русскими. Длительное совместное проживание выработало типологически общие черты хозяйства, основанного на земледелии и пастбищном скотоводстве. Не прошли бесследно усилия Русской православной церкви и государства по унификации религиозного ландшафта. Однако привело это не к упрощению, а усложнению этнической картины.

ЛИТЕРАТУРА

- Акманов, И.Г. (ред.) 2007: *История Башкортостана с древнейших времён до наших дней*. Т. I. Уфа.
- Александров, В.А. (ред.) 2003: *Русские*. М.
- Атнагулов, И.Р. 2015: Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования. *Уральский исторический вестник* 2, 133–143.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР*. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php
- Добросмыслов, А.И. (ред.) 1900: *Материалы по истории России*. Оренбург.
- Мухаметшин, Ю.Г. 1977: *Татары-кряшены*. Казань.
- Плешков, А.М. (ред.) 1928: *Список населённых пунктов Уральской области*. Т. XIII. *Троицкий округ*. Свердловск.
- Преображенский, А.А. 1989: *История Урала с древнейших времён до 1861 г.* М.
- Преображенский, А.А. 1972: *Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века*. М.
- Садиков, Р.Р. 2016: *Финно-угорские народы Республики Башкортостан*. Уфа.

¹⁴ Тройницкий 1904, 57.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР.

- Тройницкий, Н.А. (ред.) 1904: *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* Т. XXVIII. *Оренбургская губерния*. СПб.
- Ягафова, Е.А. 2007: Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века. *Этнографическое обозрение* 4, 101–117.

REFERENCES

- Akmanov, I.G. (ed.) 2007: *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [*History of Bashkortostan from ancient times to the present day*]. Ufa.
- Alexandrov, V.A. (ed.) 2003: *Russkiye* [*Russians*]. Moscow.
- Atnagulov, I.R. 2015: Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования [Nagaibak identity structure: history and evolution factors]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [*Ural Historical Journal*] 2, 133–143.
- Dobrosmyslov, A.I. (ed.) 1900: *Materialy po istorii Rossii* [*Materials on the history of Russia*]. Orenburg.
- Mukhametshin, Y.G. 1977: *Tatary-kryasheny* [*Tatars-kryashens*]. Kazan.
- Pleshkov, A.M. (ed.) 1928: *Spisok naselyennykh punktov Ural'skoy oblasti*. Т. XIII. *Troitskiy okrug* [*List of localities in the Ural region. Vol. XIII. Troitsk district*]. Sverdlovsk.
- Preobrazhenskiy, A.A. 1972: *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [*Ural and Western Siberia in the late 16th – early 18th century*]. Moscow.
- Preobrazhenskiy, A.A. 1989: *Istoriya Urals s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [*History of the Urals from ancient times to 1861*]. Moscow.
- Sadikov, R.R. 2016: *Finno-ugorskiye narody Respubliki Bashkortostan* [*Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan*]. Ufa.
- Troynitskiy, N.A. (ed.) 1904: *Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* Т. XXVIII. *Orenburgskaya guberniya* [*The first General population census of the Russian Empire, 1897. Vol. XXVIII. Orenburg province*]. Saint-Petersburg.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'ny sostav naseleniya po respublikam SSSR* [*All-Union population census of 1926. National composition of the population by the republics of the USSR*], http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php
- Yagafova, E.A. 2007: Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века [The Islamization of the Chuvash in the Ural-Volga Region from the 18th through the Beginning of the 20th Century]. *Этнографическое обозрение* [*Ethnographic review*] 4, 101–117.

NEW ETHNIC MAP OF THE MIDDLE VOLGA AND SOUTHERN URALS AS A RESULT OF STATE POLICY IN THE 16th – 19th CENTURIES

Irek R. Atnagulov

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
i.atnagulov@mail.ru

Abstract. The article presents a brief analysis of one of the episodes in the ethnic history of Russia. After the annexation of the lands of the Kazan khanate in the second half of the 16th century, the ethnic, ethno-cultural and ethno-confessional landscapes of the country changed significantly. The share of peoples of the Turkic and Finno-Ugric groups has sharply increased.

Among the peoples of the Turkic group there was a significant number of fans of Islam. All this population, historically and culturally associated with the Muslim world hostile to Russia, created hotbeds of tension in the new territories. Therefore, the goal of state activity was to integrate all these peoples into the country's social system as soon as possible. It was achieved by solving three problems. First of all, this is forced Christianization. It began immediately after the victory over Kazan and was implemented with varying success. The result of the policy of Christianization was not only the Chuvashs, Maris, Udmurts and some Tatars who adopted this religion, but also representatives of the same peoples who fled from Christianity to the Bashkir lands. In the southern Urals, they formed new identities along confessional lines. In the second place, the state was engaged in creating the class structure of the population. The creation of the Orenburg province, new settlements and the military class attracted the Turkic population – Tatars and Bashkirs. The result of this activity was the emergence of new identities on the basis of class. Is the Cossacks – Tatar Muslims and Christians, Teptyars, Meshcheryaks, Nagaybaks, Bashkirs. The third task was economic development. Peasant colonization by Russians, Mordvas, Tatars, Chuvashs, and others created vast pockets of ethnically mixed populations in the southern Urals. This situation has influenced the formation of many new local varieties of economic and cultural types. By the end of the 19th century, such new identities as Meshcheryaks, Teptyars, baptized Tatars, Nagaybaks and others were recorded in the southern Urals. The state's three-hundred-year effort to unify the region's ethno-cultural landscape has made it more complex.

Keywords: ethnic history, Turkic and Finno-Ugric peoples of the Volga region and the Urals, Christianization, estates, new identities
